

Информация для цитирования:

Осьмухина О. Ю. Генетические истоки романа воспитания в литературе соцреализма («роман фигуры» Н. Г. Чернышевского «Что делать?») / О. Ю. Осьмухина, Е. П. Овсянникова // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 237—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-237-255.

Osmukhina, O. Yu., Ovsyannikova, E. P. (2025). Genetic Origins of Bildungsroman in Socialist Realism Literature: “Figure Novel” of N. G. Chernyshevsky’s “What Is to Be Done?”. *Nauchnyi dialog*, 14 (1): 237-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-237-255. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Генетические истоки романа воспитания в литературе соцреализма («роман фигуры» Н. Г. Чернышевского «Что делать?») **Осьмухина Ольга Юрьевна**¹

orcid.org/0000-0002-1456-4793
доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
русской и зарубежной литературы,
*корреспондирующий автор
osmukhina@inbox.ru

Овсянникова Екатерина Павловна²
orcid.org/0000-0002-2740-9178
исполнитель проекта, отдел
сопровождения научных проектов
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

²Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда № 23-18-01007,
<https://rscf.ru/project/23-18-01007/>;
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского

Genetic Origins of Bildungsroman in Socialist Realism Literature: “Figure Novel” of N. G. Chernyshevsky’s “What Is to Be Done?” **Olga Yu. Osmukhina**¹

orcid.org/0000-0002-1456-4793
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Russian and Foreign Literature,
*corresponding author
osmukhina@inbox.ru

Ekatgerina P. Ovsyannikova²
orcid.org/0000-0002-2740-9178
Project executor, Scientific Project
Support Department
ovsyannikova-kate@yandex.ru

¹National Research Ogarev
Mordovia State University
(Saransk, Russia)

²Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant from
the Russian Science Foundation № 23-18-01007,
<https://rscf.ru/en/project/23-18-01007/>;
Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена осмыслению «романа фигуры» как особого подтипа романа воспитания. Гипотеза исследования состоит в расширении и углублении идей М. Бахтина и М. Берга об особой разновидности в соцреалистической литературе романа воспитания, а также Х. Майкснера и В. Пашигорева о жанровой специфике «романа фигуры»: мы полагаем, что в литературе соцреализма традиция романа воспитания трансформировалась в «роман фигуры». Научная новизна статьи состоит в том, что впервые доказывается, что «роман фигуры» на русской почве генетически восходит к «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. Цель статьи — выявить генетические истоки «романа фигуры» в русской словесности. В результате было установлено, что, во-первых, в романе Чернышевского сохраняется жанровая доминанта романа воспитания, более того, при наличии моногероя как носителя исключительно типических черт, становлению в романе подвергается идея, сосредоточенная в его образе. Во-вторых, центральное место у Чернышевского, равно как и в соцреалистическом «романе фигуры», занимает процесс идеологизации, причем важнейшие этапы идейного становления героини в романе маркируются включением в хронотоп повествования онейрических эпизодов, способствующих созданию особой нарративной модели. В-третьих, развитие героини изначально задано и устремлено в будущее таким образом, что в результате из носителя идеи она превращается в ее транслятора и в глазах других героев становится тождественной с ней: в финале романа роль protagonista меняется с ученической на наставническую.

Ключевые слова:

«роман фигуры» в русской литературе; традиция Bildungsroman; жанровая традиция; Чернышевский; герой идеи.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the comprehension of the “novel of the figure” as a special subtype of the Bildungsroman. The hypothesis of the study is to expand and deepen the ideas of M. Bakhtin and M. Berg about a special variety of the Bildungsroman in socialist realist literature, as well as H. Meixner and W. Berg. Meixner and V. Pashigorev on the genre specificity of the “novel of the figure”: we believe that in socialist realist literature the tradition of the Bildungsroman was transformed into the “novel of the figure”. The scientific novelty of the article consists in the fact that for the first time it is proved that the “novel of the figure” on the Russian soil genetically goes back to “What is to be done?” by N. G. Chernyshevsky. The aim of the article is to identify the genetic origins of the novel of the figure in Russian literature. As a result, it was found that, first, Chernyshevsky's novel retains the genre dominance of the Bildungsroman; moreover, in the presence of a monhero as a bearer of exclusively typical features, the idea centered in his image undergoes formation in the novel. Second, Chernyshevsky's novel, as well as the socialist realist “novel of the figure,” is centered on the process of ideologization, and the most important stages of the heroine's ideological formation in the novel are marked by the inclusion of oneiric episodes in the chronotope of the narrative, which contribute to the creation of a special narrative model. Thirdly, the heroine's development is initially set and directed into the future in such a way that as a result she turns from a carrier of an idea into its translator and becomes identical with it in the eyes of the other characters: in the novel's finale, the protagonist's role changes from student to mentor.

Key words:

“novel of the figure” in Russian literature; Bildungsroman tradition; genre tradition; Chernyshevsky; hero of the idea.

УДК 821.161.1Чернышевский.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-1-237-255

Научная специальность ВАК

5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Генетические истоки романа воспитания в литературе соцреализма («роман фигуры»

Н. Г. Чернышевского «Что делать?»)»**© Осьмухина О. Ю., Овсянникова Е. П., 2025**

1. Введение = Introduction

Общеизвестно, что одной из наиболее «живучих» жанровых разновидностей, причем не только в европейской, но и в русской словесности, развивающихся по сей день, оказывается роман воспитания и «роман становления человека» как его тип. Как отмечал М. М. Бахтин, «роман становления продолжает жить и во второй половине XIX-го и в XX-м веке» [Бахтин, 2012, с. 333]. Примечательно при этом, что тот же М. Бахтин, во-первых, в известной статье «Роман воспитания и его значение в истории реализма», конспективно обозначая перспективы исследования Bildungsroman в советской литературе, отмечал необходимость изучения романа воспитания в литературе соцреализма с учетом классической традиции: Проблема социалистического реализма. <...> Проблема воспитания и роста нового социалистического человека. Новая реалистическая концепция человеческих возможностей. Построение образа незавершенного, активно становящегося социалистического человека — одна из основных задач социалистического реализма. Значение классического наследия прошлого, в особенности творческого наследия Гёте, в решении этой задачи» [Бахтин, 2012, с. 217].

Во-вторых, чуть позже — в наброске <К «Роману воспитания»> — ученый указывал на неактуальность возрастной схемы романа воспитания в условиях новой действительности: «Перевоспитание и переделка человека производится у нас в небывалых масштабах. Мы присутствуем при становлении и росте нового социалистического человека. <...> Будущее присутствует в нашем настоящем в исключительно сгущенной, планомерной и четкой форме. Оно организует человека и заставляет его расти. У нас нет и не может быть готовых людей. В этом отношении у нас уже нет старости. Возрастная схема становления нам не годится» [Бахтин, 2012, с. 344].

К сожалению, исследователь не оставил законченного оформленного изложения собственных тезисов — они лишь абрисно намечают вектор

дальнейшего исследования воспитания (становления) героя советской литературы, однако уже в процитированном фрагменте очевидна мысль о ломке прежней фабульной схемы романа воспитания. Справедливости ради укажем, что здесь же предвосхищается замечание М. Берга о том, что романский герой советской литературы не может иметь возрастного становления: определяя литературу 1930—1950-х годов как «инфантильную», Берг отмечает, что именно по этой причине романский герой соцреализма был вынужден проходить процесс взросления, не имеющий конца [Берг, 2000, с. 50]. Кроме того, он же косвенно указывает на признаки константности нарратива соцреалистического романа воспитания, высказывая мысль о том, что постоянной величиной в образовательной программе героя «является не реальность, а ее иллюзорная нарративная интерпретация» [Берг, 2000, с. 50]. Таким образом, становится очевидно, что советский роман не является последователем классической традиции романа воспитания, но воплощает одну из его разновидностей — «роман фигуры». В связи с этим *актуальность* нашего исследования обусловлена необходимостью восполнения пробела в изучении жанровой традиции романа воспитания в советской словесности и уточнения модификаций Bildungsroman на русской почве.

Становясь повествованием о фигуре, судьба которой заранее запрограммирована, как уже было сказано выше, соцреалистический роман сводится к четкой схематизации — он представляет читателю трансформацию и развитие не героя, но идеи: герой изначально обладает всеми необходимыми добродетелями «настоящего коммуниста», задача автора — взрастить в нем «правильную» идеологию большевизма и тем самым популяризировать ее. Потому, на наш взгляд, разрешение перечисленных противоречий необходимо искать именно в типе «романа фигуры», который, являясь разновидностью романа воспитания, стал, говоря словами Бахтина, его «формальным заместителем» в литературе соцреализма.

Объектом нашего исследования явился роман Н. Г. Чернышевского, в котором отчетливо воплощаются ключевые элементы «романа фигуры». **Предметом** нашего исследования выступает жанр Bildungsroman и «роман фигуры» как его модификация (субжанр).

Цель определила ключевые **задачи** исследования: опираясь на методологию М. М. Бахтина, вычленив важнейшие составляющие «романа фигуры»; изучить специфику «романа фигуры» как жанровой модификации Bildungsroman в романе Н. Г. Чернышевского.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Впервые теоретическое обоснование проблемы фигурализма применительно к жанру романа было дано Х. Майкснером в монографии «Романти-

ческий фигурализм. Критическое изучение романов Арнима, Эйхендорфа и Гофмана» [Meixner, 1971]. Ученый выделил несколько характерных черт, позволяющих говорить о фигурализме как об отличительном элементе поэтики нового типа романа — «романа фигуры». В первую очередь, исследователь отмечает, что «идея романа делает из героев фигуры, которые становятся ее выразителями, идея доминирует, создает систему отношений, в которой герои становятся фигурами» [Meixner, 1971, с. 32]. Вторым немаловажным аспектом Х. Майкснер называет различные траектории, по которым происходит развитие фигуры и образа героя, а именно «образ развивается из самого себя, тогда как фигура не знает этого развития» [Meixner, 1971, с. 35]. В-третьих, исследователь помечает особенную генерализованную функцию персонажа-фигуры в отношении принципов «миромоделирования» в романе: фигуры являются «персонажами в игре универсальных сил и полярностей» [Meixner, 1971, с. 237]. Таким образом, любое проявление индивидуального в фигурализме а priori транслируется в художественном сознании на концепцию всеобщности, человек рассматривается в первую очередь как представитель рода, и, следовательно, предпочтение отдается *типу*, но не *индивидууму*.

В. Н. Пашигорев в диссертации «Роман воспитания в немецкой литературе XVIII—XX веков. Генезис и эволюция» конкретизирует тезисы Х. Майкснера в аспекте рассмотрения жанра романа воспитания. В частности, на примере романа Жан-Поля «Титан» исследователь доказывает, что развитие персонажа осуществляется в тесной связи осознания им себя как части целого, при этом «речь не идет об изображении характера персонажа, <...>, а о субъективном, фигуре, судьба которой запрограммирована всеобщим, фигуре, являющейся исполнителем определенной цели, определенного предназначения или призвания» [Пашигорев, 2005, с. 128]. Такая типизация, по мнению В. Н. Пашигорева, очерчивает фигуру в романе как символично-аллегорическое, мифологическое явление мира и заключает ее в систему универсально-космических отношений. При этом для нас крайне примечательно именно «внедрение» элементов фигурализма в жанровую основу романа воспитания, поскольку в этом случае возникает особый его подтип (субжанр), названный В. Н. Пашигоревым «романом фигуры».

Напомним, что жанр романа воспитания в «чистом» виде предполагает моноцентризм, а также становление и развитие личности, по словам А. В. Дialekтовой, по траектории от крайнего индивидуализма к обществу [Дialekтова, 1972, с. 35]. «Роман фигуры» также является романом одного героя и заключает в себе процесс воспитания протагониста (именно этот процесс, как известно, является доминантой построения сюжета романа воспитания и его важнейшим жанровым признаком), однако разновид-

ностью жанра романа воспитания позволяет назвать его не что иное, как то, что в отличие от воспитания крайнего индивидуализма данная форма реализует в развитии героя запрограммированную автором идею, определенную мифологическую тенденцию. Таким образом, в «романе фигуры» сохраняется жанровая доминанта романа воспитания, однако отличительной чертой его является тот факт, что здесь герой уже — носитель не индивидуальных, а типических черт, эволюция которого осуществляется не столько в личностном плане, сколько в идейном.

Следует отметить при этом, что, с точки зрения терминологии, дефиниции «фигурализм» и «роман фигуры» на данный момент не вошли в научный обиход. Они упоминаются в ряде исследований, однако до сих пор не закреплены в литературоведческих словарях или энциклопедических изданиях. После В. Н. Пашигорева не было проведено ни одного исследования, которое бы расширяло или обосновывало выдвинутые им тезисы на основе других романов воспитания (справедливости ради заметим, что исключение составляет лишь наша статья, в которой на материале лишь одного романа выявляются особенности этого субжанра [Осьмухина и др., 2023]).

Однако для выявления его генетических истоков в отечественной словесности, а также глубокого и объективного исследования дальнейшего развития жанровой системы русской прозы данная разновидность романа крайне примечательна.

Материалом статьи явился роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?».

В статье авторы использовали **комплексный подход**, объединяющий принципы **историко-генетического**, позволяющего выявить связи романа Чернышевского с развитием отечественного литературного процесса, с жанровой традицией Bildungsroman и прежде всего «романа фигуры»; **сравнительно-типологического** (он дал возможность выявить общие, сущностные особенности «романа фигуры» в его историческом развитии) **методов**. Значимым в нашем инструментарии был **метод целостного анализа** литературного произведения, давший возможность осмыслить жанровые особенности романа Чернышевского в неразрывной связи и единстве с его проблемно-тематическим уровнем.

Теоретической базой статьи явились работы, посвященные изучению романа воспитания [Бахтин, 2012; Боров, 2008; Володина, 1998; Дialeктова, 1972; Краснощекова, 2008; Осьмухина и др., 2024] и «романа фигуры» как его жанровой разновидности [Пашигорев, 2005; Meixner, 1971]. Особую значимость в решении стоящих перед нами задач имели отечественные и западные труды, касающиеся тех или иных аспектов соцреализма и поэтики соцреалистического романа [Берг, 2000; Добренко, 2007; Кларк, 2002; Лейдерман, 2003; Синявский, 1988; Хоффман, 2018; Gunther, 1990];

учитывались также работы по осмыслению жанрово-тематического своеобразия романа «Что делать?» Чернышевского [Елифёрова, 2007; Наумова, 1978; Паперно, 1996].

Практическая значимость нашего исследования состоит в том, что материалы, результаты и общие выводы могут быть использованы в вузовских курсах теории литературы, истории русской литературы, спецкурсах и спецсеминарах, посвященных традиции романа воспитания в отечественной словесности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Научное осмысление романа воспитания эпохи соцреализма

В литературоведении сложился противоречивый взгляд на жанр романа воспитания в эпоху соцреализма: в противовес Е. Н. Краснощековой [Краснощекова, 2008, с. 14], которая не вполне правомерно, на наш взгляд, утверждает, что роман воспитания в советские годы был обречен на вымирание по причине того, что «самостоятельные поиски жизни и идейные блуждания» героя были не актуальны для этой эпохи, отечественная проза уже первого советского десятилетия [Осьмухина и др., 2024] со всей очевидностью демонстрирует, что воспитание (и перевоспитание) отдельной личности в ней не только являлось ключом к пониманию механизмов перековки советского общества, но и служило наглядным примером читателям — идеологическим изменениям подвержен каждый: и простой неграмотный мужик (Матвей Коренистов в одноименном тексте А. Бондина), и капиталист (Джим Кларк в романе Б. Ясенского «Человек меняет кожу»), и представитель интеллектуальной прослойки (Иван Ильич Бородин в пьесе Афиногенова «Страх»). Более того, в ключевых субжанрах Bildungsroman советского периода (романе перевоспитания, «романе фигуры») значимой чертой, позволяющей дифференцировать их, является характеристика самого протагониста: если в романе воспитания герой предстает перед читателем как *tabula rasa*, то в его субжанрах путь протагониста начинается уже в тот момент, когда он, казалось бы, полностью сформирован: герой неплохо знаком с мировоззренческими альтернативами и сознательно противится метаморфозам. При этом возраст его на момент воспитания не имеет определяющего значения. Хотя история литературы советского периода знает примеры произведений, в которых, несмотря на зрелый возраст протагониста, выдерживается именно жанровая традиция романа воспитания — герой представлен как *tabula rasa* (к примеру, «Чапаев» Д. Фурманова), тем не менее личный путь «воспитуемого» героя от индивидуализма к коммунизму и сознательности в соцреалистическом Bildungsroman и его субжанрах есть не что иное, как путь сотен других стихийных личностей,

и нарратив соцреалистического романа трактует жизнь отдельного персонажа как путь целого поколения в его историческом развитии.

Е. Н. Володина, как нам представляется, справедливо подчеркивает, что Bildungsroman пережил подлинное возрождение в литературе соцреализма [Володина, 1998, с. 23]. Обратимся к истории: на Первом Всесоюзном съезде советских писателей была сформулирована общая универсальная идея соцреалистического романа — «воспитание трудящихся в духе соцреализма». Впервые эта идея была осмыслена А. Синявским: «В значительной своей части советская литература — это воспитательный роман, в котором показана коммунистическая метаморфоза отдельных личностей и коллективов» [Синявский, 1988, с. 25]. Ряд исследователей соцреалистического канона [Gunther, 1990; Кларк, 2002] видят в романе воспитания эпохи соцреализма черты стереотипного упрощения жанра: «опыт, образование и развитие заменяются процессом “закаливания” в рамках идеологии и бойцовского духа» [Gunther 1990: 205]. К. Кларк предлагает не воспринимать мысль А. Синявского буквально, поскольку «соцреалистический роман настолько ритуализирован, что прогресс героя лишается персональности и самоценности» [Кларк, 2002, с. 24]. На более нейтральной позиции стоит Е. Добренко, отмечающий следующее: «Соцреализм имеет дело с развивающимся героем <...> Однако этот становящийся герой изображается вовсе не динамически, но статически и эконически» [Добренко, 2007, с. 309—310].

Кажущаяся внешняя разнородность мнений исследователей соцреализма вполне объяснима. Заметим, что если воспринимать роман воспитания не в его традиционном варианте, но допустить его возможную трансформацию и адаптацию в соответствии с требованиями времени, то довод Е. Добренко можно уточнить: роман воспитания в соцреалистический период принимает форму своей разновидности — «романа фигуры», в котором, по замечанию В. Н. Пашигорева, «развитие персонажа осуществляется не столько в его психологическом многообразии и противоречивости, сколько в ракурсе эволюции идейной» [Пашигорев, 2005, с. 130].

Идея рождения нового человека, качественно противопоставленного старому миру, для соцреализма не была новой. Как отмечает Дэвид Л. Хоффманн, впервые в отечественной литературе она была поднята в XIX веке [Хоффманн, 2018, с. 296]. Эту мысль поддерживает и К. Кларк: «Революционная литература XIX века могла сильно отличаться от соцреалистической, но парадоксально, что ее мифы и образы легли в основу официальных советских преданий, а следовательно, и соцреализма» [Кларк, 2002, с. 52]. В частности, образ нового человека в русской литературе нашел свое отображение в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863 год), а потому нельзя обойти вниманием этот роман именно как про-

изведение, явившееся предтечей соцреалистического романа, и в частности романа воспитания.

3.2. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» как генетический исток «романа фигуры» соцреализма

Отнюдь не случайно, на наш взгляд, ряд революционных идей, касающихся воспитания новой личности, которые высказал на страницах романа Н. Г. Чернышевский, спустя десятилетия нашли глубокую поддержку в кругах строителей светлого будущего. Так, из воспоминаний Н. К. Крупской следует упоминание о крайне восторженной реакции вождя на роман: «Я была удивлена, как внимательно читал он этот роман и какие тончайшие штрихи, которые есть в этом романе, он отметил» [Крупская, 1927, с. 125]. В 1928 году уже предпринимаются более основательные попытки представить роман Чернышевского в виде образцовой литературы: так, А. Луначарский, возглавлявший в те годы Народный комиссариат просвещения, в статье «Чернышевский как писатель» называет последнего великим писателем-беллетристом, характеризуя его произведения «быть может наилучшими образцами того романа, который нам нужен» [Луначарский, 1958, с. 66]. Социалистическая идея в этом романе, по мнению Луначарского, заключается в таком типе личности, «который ставит интересы общества и даже интересы другого человека выше своих собственных. Ему нужно как раз обуздать мещанский эгоизм, который ищет непосредственно вульгарной пользы» [Луначарский, 1958, с. 74]. И далее: «Изображаемый им человек рассуждает так: для меня, как эгоиста, выгоднее в данном случае поступить альтруистически, так, как общественно выгоднее, потому что мое чувство человеческого достоинства меня за это вознаградит. А что это за поступки, которых требует Чернышевский? Это есть поступки в духе общественности, понимаемой с точки зрения нового класса» [Луначарский, 1958, с. 75].

Воспитание в духе социализма — вот то идейное зерно, которое увидели «строители» нового мира в романе Н. Г. Чернышевского. И хотя исследователи по-разному смотрят на восприятие соцреализмом идей Чернышевского (в частности, М. Елиферова считает, что «большая часть реальных эстетических воззрений Чернышевского прошла мимо соцреалистических идеологов» [Елиферова, 2007, с. 236]), нельзя не согласиться с Н. Наумовой, которая справедливо подчеркивает, что «задача коммунистического воспитания, по Чернышевскому, заключается не в том, чтобы постоянно указывать, что делать, а в том, чтобы сделать каждого способным решать этот вопрос. Каждый должен стать активным строителем новой жизни» [Наумова, 1978, с. 87]. Преобладание практики над дидактикой — та мысль, которая главенствовала в коммунистическом обществе.

Для нашего исследования роман «Что делать?» весьма показателен как первый русский роман, в котором сформировались предпосылки будущего соцреалистического романа воспитания, а точнее, для его субжанра — «романа фигуры». Подкрепим свой тезис мнением Ю. Борева, который отмечает, что «социалистический реализм возник на основе реалистических традиций классической литературы (в первую очередь русской литературы критического реализма XIX в.)» [Борев, 2008, с. 129]. Нет сомнения в том, что Вера Павловна Розальская (а впоследствии Лопухова и Кирсанова) на протяжении всего романа проходит путь становления. Однако путь этот оказывается не столько траекторией личностной трансформации, сколько трансформации идейной. Исследователь творчества Н. Чернышевского Н. Наумова также отмечает эту особенность романа: «Превращение идеи в личную волю — это процесс. Роман не раз указывает на то, что это идейно-психологический процесс и на него нужно время» [Наумова, 1978, с. 88]. Именно этому образцу воспитания нового человека впоследствии будет отдано предпочтение в романах канонической фазы соцреализма — личностное формирование героя останется за рамками внимания авторов. В романе «Что делать?» черед читателем — путь формирования основной идеи — обретения героиней внутренней свободы, параллельно которой реализуются другие социалистические концепции, такие как необходимость труда, равенства, реализация мифа о «светлом будущем», о чем подробнее будет сказано несколько позже.

Как уже было упомянуто выше, для романа фигуры главным становится идейное развитие героя, а потому, как правило, герой дается читателю готовый и константный — в личностном плане он не претерпевает трансформаций, но является носителем идеи, которая в нем развивается. При этом для романа, транслирующего социалистические идеи, крайне важна перспективность героя, его внутренняя, пусть даже неосознанная принадлежность к «новому» миру, его готовность порицать прежние и противостоять им. Так, Вера Павловна в романе «Что делать?» с первых же страниц демонстрирует читателю такие немаловажные для человека нового типа качества, как решительность (несмотря на давление матери, она демонстративно покидает ложу театра, а затем возмутительнейшим образом отказывается от их порыва вести ее под руки), смелость (Верочка прямо высказывает в лицо Михаилу Ивановичу Сторешникову о его бесчестном поведении, заключая: «Мать замучит меня, но пусть будет со мною, что будет, все равно!» [Чернышевский, 2017, с. 37]), расшатывание устоев (для читателя, должно быть, явилось неожиданностью, что героиня намеренно не целует руки своей матушки и открыто заявляет ей об этом). Но самым ценным качеством Верочки, тем, которое позволит Чернышевскому воспи-

тать в ней «нового» человека, становится интуитивное стремление к независимости («Я знаю только то, что никому не хочу поддаваться, хочу быть свободна, не хочу никому быть обязана ничем, чтобы никто не смел сказать мне: ты обязана делать для меня что-нибудь!» [Чернышевский, 2017, с. 51]). Очевидно, что образ Веры Павловны отнюдь не несет в себе черты *tabula rasa*, характерного для героя классического романа воспитания: с детства она имеет свои убеждения и твердо и последовательно отстаивает их, готовая «не даться живой в руки» матери.

С композиционной точки зрения становление мировоззрения Веры Павловны в романе выстроено линейно: от подготовки героини к восприятию идеи — через ее формирование — вплоть до ее полного воплощения. *Подготовка* Верочки к *формулировке и принятию идеи* происходит в пространстве ее семьи: это мир пошлых людей, наполненный сатирическими образами матери и отца Верочки, квартирной хозяйки, ее инфантильного и недалекого сына и даже их прислуги. В мире этом, который буквально кишит глупостью, жадой денег и положения в обществе, для Верочки практически не находится единомышленников, разве что кроме Жюли, открытая связь с которой, опять же, может опорочить девушку из приличной семьи. Все эти обстоятельства, сконцентрированные в замкнутом пространстве дома на Гороховой, резко контрастируют с ее собственными, и, как выяснилось ранее, уже сформированными представлениями о жизни, а потому играют роль своеобразного трамплина для главной героини. Единственным выходом для нее видится уход из дома, — классический мотив для романа воспитания, — который и приводит непосредственно к следующему этапу — *формированию идеи*. Необходимость заниматься делом рождает в Вере Павловне желание «завести швейную», а после и вовсе ясную цель — открыть магазин на Невском [Чернышевский, 2017, с. 187]. Примечательно, что уход главной героини из дома, равно как и в соцреалистическом романе, подрывает ее связи с родной семьей, выключает последнюю из сколько-нибудь возможного влияния на формирование дальнейшей ее судьбы и вводит Веру Павловну в «большую семью» — в круг единомышленников: «Как вдвойне отраднa показалась Вере Павловне ее новая жизнь с чистыми мыслями, в обществе чистых людей!» [Чернышевский, 2017, с. 194]. Сопоставление новой жизни в обретенной семье с прошлой жизнью в семье родной составляет резкий контраст и презентует первую как истинную и единственно правильную. Реализация соцреалистического мифа о «большой семье», как видим, берет свое начало в романе Чернышевского. И хотя этот миф в нем не развит в той степени, в которой он будет включаться в романное полотно в соцреалистической литературе, но все же его появление у Чернышевского дает основания предполагать, что истоки его находятся именно здесь.

Весьма примечательна модель социалистического государства, которую закладывает Чернышевский в мастерской, устроенной Верой Павловной. Прототипом пропаганды, ставшей впоследствии одним из востребованных инструментов советской власти на пути её становления, является в романе речь героини, обращенная к швеям: «Стала говорить она простым языком вещи понятные, очень понятные, но каких от нее, да и ни от кого прежде, не слышали ее швей» [Чернышевский, 2017, с. 207]. Если учесть, что исследователи определяют коммунистическую пропаганду как средство просвещения, воспитания масс, ускорителя социального прогресса [Беглов, 1984; Медушевский, 2019], то речь Веры Павловны в романе становится ее прототипом. Исключительно важной в этой речи становится до толе неслыханная для швей мысль о равенстве, которое хозяйка предлагает им: «Я без вас ничего нового не стану заводить. Только то и будет новое, чего вы сами захотите» [Чернышевский, 2017, с. 210]. Более того, деньги, заработанные швеями, Вера Павловна объявляет их собственными — назначая двух швей ответственными за ведением счетов, она объясняет это следующим образом: «Ведь ваши деньги, а не мои, стало быть, вам и надобно смотреть за ними» [Чернышевский, 2017, с. 210]. Описывая развитие мини-государства Веры Павловны, Чернышевский отмечает, что через три года ей удалось добиться порядка распределения прибыли поровну, а вернее — ввести социализм: «<...> мастерская поняла, что получение прибыли — не вознаграждение за искусство той или другой личности, а <...> ее цели, а цель эта — всевозможная одинаковость пользы от работы для всех, участвующих в работе, каковы бы ни были личные особенности» [Чернышевский, 2017, с. 212]. Уже здесь имплицитно звучит критика индивидуализма, ставшая впоследствии едва ли не одним из лозунгов социалистических романов.

С точки зрения внутреннего устройства мастерская Веры Павловны воплотила в жизнь и утопическую идею государства-коммуны. Исторически эта теория была воплощена в жизнь (хотя и не вполне удачно) в России после прихода к власти большевиков, в 1918 году; возникла же она в ходе разработки Конституции РСФСР как «идея непосредственного перехода к коммунизму в форме Государства-Коммуны, где рабочие станут не только осуществлять контроль над производством, но и непосредственно управлять государством» [Медушевский, 2019, с. 65].

В романе Чернышевский довольно подробно описывает процесс устройства коммуны: учреждение своего банка, который давал нуждающимся участникам коммуны деньги без ссуды, решение жить в одной большой квартире, да так, чтобы «вся компания жила твердою мыслью, что никто ни у кого не в обиде, никто никому не в убыток» [Чернышев-

ский, 2017, с. 216], решение выделить среди рабочего дня время для учебы — учреждение «лица всевозможных знаний» [Чернышевский, 2017, с. 217]. При этом обращает на себя внимание, что роль Веры Павловны в этом обустройстве заключается, как отмечает автор, не в раздаче распоряжений, а ограничивается лишь одними советами и предостережениями [Чернышевский, 2017, с. 214]. Рассказывая о преобразованиях мастерской, Чернышевский то и дело указывает: «прежде всего увидели», «с первого же раза все поняли»; «тут же увидели» и т. д. Таким образом, выключая хозяйскую руку из процесса стройки мини-государства, прозаик реализует коммунистическую идею о распределении власти между всеми членами общества, позволяет участницам мастерской самим принимать решения. Неслучайно Вера Павловна грезит тем, что «мастерская могла бы идти без нее» [Чернышевский, 2017, с. 222]. Но абсолютного достижения своей идеи Вера Павловна не может добиться: вступив в период кризиса личных чувств, она едва не запускает свое дело, переживая кризис в семейной жизни и испытывая вину перед Лопуховым.

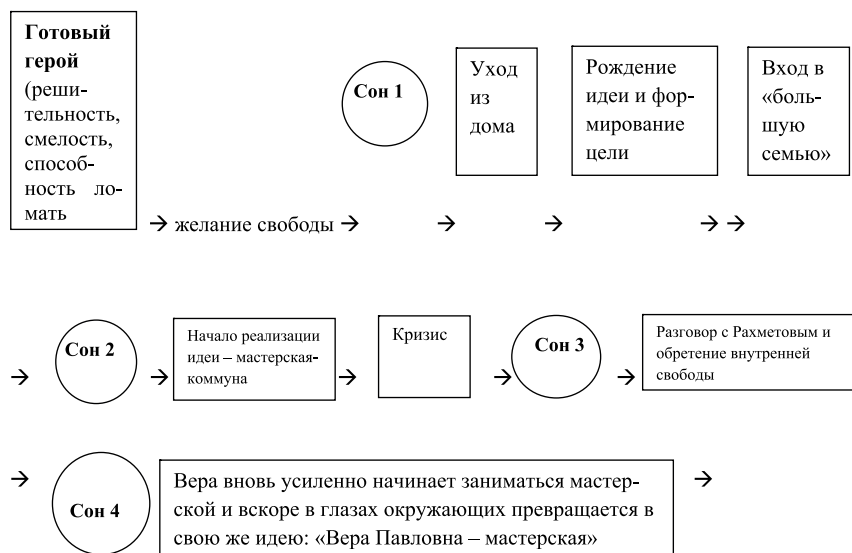
Этап окончательного воплощения идеи Веры Павловны предваряется постижением внутренней свободы, пониманием собственных чувств: «Так неужели я люблю его за то, что он выводит меня из подвала? Не его самого, а свое избавление из подвала?» [Чернышевский, 2017, с. 281]. Но в том-то и заключается «новизна» того типа, который Чернышевский выписывает в своем романе, что свободен он должен быть не только в идеях, касающихся общественной стороны жизни, но прежде — в личных чувствах, потому что только обуздав их можно по-настоящему служить обществу. Лишь перестав испытывать вину перед «миленьким», Вера Павловна прекращает обманываться и становится окончательно свободной. Это и позволяет ей достичь успеха в том деле, которое она изначально затеяла, да так, что впечатления Катерины Васильевны Полозовой после знакомства с ней ассоциируются исключительно с мастерской: «<...> но дальше, дальше у нее в воспоминаниях уже действительно не было почти ничего относящегося к Вере Павловне: мастерская, мастерская, мастерская, — и объяснения Веры Павловны о мастерской: эти объяснения она помнила, но самой Веры Павловны во все следующее время, после первых слов встречи, она уж не помнила» [Чернышевский, 2017, с. 522].

Воплощение идеи в романе приводит, таким образом, к полному растворению героини в ней, теперь перед читателем не личность — Вера Павловна, но ее реализованная идея — мастерская.

Перечисленные ключевые этапы идейного становления Веры Павловны маркируются включением в хронотоп повествования эпизодов измененного сознания героини — ее снов. Сны Веры Павловны (а их четыре)

располагаются в нарративе романа на границе упомянутых этапов и подобно любому пограничному состоянию выполняют функцию прозрения. И. Паперно называет сны Веры Павловны аллегориями, иллюстрирующими «главные философские, этические и социальные доктрины Чернышевского» [Паперно, 1996, с. 24]. Н. Наумова отмечает по этому поводу следующее: «Каждый сон Веры Павловны — это момент, когда в подсознании героини совершается скачок: осмысливается все пережитое и передуманное и открывается перспектива дальнейшего развития» [Наумова, 1978, с. 76]. Сны в нарративе романа открывают читателю ключевые моменты, происходящие в идейном формировании героини. Таким образом, Чернышевский создает весьма любопытную композицию романа — идейное развитие героини происходит в двух плоскостях: в событийном плане, который направляет развитие идеи, и в сновидческих состояниях, через которые Вера Павловна рефлексировала. Таким образом, путь идейного формирования героини дублирован — на основную нарративную модель становления накладывается путь развития, совершающийся в подсознании.

Схема, отражающая ключевые моменты формирования идеи Веры Павловны, на наш взгляд, могла бы выглядеть следующим образом:

Итак, первый сон предвещает уход героини из дома и подготавливает ее сознание к появлению, а позже и постепенному вызреванию идеи за-

няться швейной мастерской; второй — следует сразу же за входом героини в «большую семью» единомышленников, а следовательно, порождает осмысление своей прошлой жизни и правильности намеченного пути: «<...> она уже совершенно отвыкла от тяжелой атмосферы хитрых слов, из которых каждое произносится по корыстному расчету, от слушания мошеннических мыслей, низких планов <...> Грязь, пошлость, цинизм всякого рода — все это бросалось теперь в глаза ей с резкостью новизны» [Чернышевский, 2017, с. 193].

Третий сон возникает как результат внутреннего кризиса героини и через осмысление любви к Лопухову, в которую была заложено сильнейшее стремление вырваться на волю, что, в конечном итоге, приближает ее к постижению истинной свободы. Именно на этом этапе Чернышевский вводит в повествование образ Рахметова, охарактеризованный впоследствии А. Луначарским как фигура «огромная и последовательная» [Луначарский, 1958, с. 94]. Как отмечает Н. Наумова, «к “Четвертому сну” ведет ее разговор с Рахметовым, потому что от «особенного человека» она впервые услышала об истинной свободе любви и задумалась о путях ее достижения» [Наумова, 1978, с. 76]. Поэтому четвертый сон становится кульминационной точкой прозрения героини, гранью, за которой начинается осознанная жизнь идеи: Вере Павловне теперь нет необходимости оглядываться на свои чувства, она постигла гармонию в личной жизни, а потому целиком может посвятить себя развитию мастерской-коммуны.

Остановимся на том, как формируется идея в снах Веры Павловны. Первое, на что следует обратить внимание, — поистине дантовское пространство, выстроенное по принципу «готической вертикали», которое воплощается в снах — движение от символического «ада», реализующегося в первом сне через подвальный, замкнутый мир, в котором томятся девушки, к символическому «раю» в четвертом. Во втором и третьем сне Вера Павловна попадает в нейтральное, промежуточное пространство «чистилища», пребывание в котором позволяет ей приблизиться к пониманию обещанного «рая». Идейный путь Верочки Розальской, исцеленной от «паралича» и выпущенной из подвала, ведет в конечном итоге к созерцанию райских обителей — «светлого будущего», о котором впредь героиня должна проповедовать отовсюду. К слову сказать, здесь вновь звучит предвосхищение соцреалистического дискурса, который, по словам Н. Лейдермана, «моделирует Космос: он конструируется по типу государства, его движущие пружины — классовые антагонизмы и идеологические размежевания, в нем есть положительный герой — самое наглядное воплощение эстетического идеала, <...> развитие этого Космоса демонстрирует неизбежность «светлого будущего» [Лейдерман, 2003, с. 20].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, соцреалистический миф о «светлом будущем» предвосхищается в романе Чернышевского и дается Вере Павловне в качестве главного завета: «Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его» [Чернышевский, 2017, с. 472]. Проводником Веры Павловны в пространствах первого, второго и четвертого снов становится так называемая «невеста женихов». При этом она определяет себя в снах по-разному: в первом сне зовется любовью к людям, в последнем — «равноправностью» [Чернышевский, 2017, с. 459]. Смена облика загадочной проводницы Веры Павловны ото сна ко сну отнюдь не случайна — встречаясь в начале своего пути с любовью к людям, а в финале — с равноправием, она постигает непреложную истину: свобода достигается любовью к человеку. В этой-то «нелюбви» и упрекает Верочку Рахметов, указывая на то, что она подвергла риску гибели мастерскую в угоду личным чувствам: «Вот уж за вами два великие преступления: безжалостность и деспотизм» [Чернышевский, 2017, с. 360]. Священное отношение к государству и альтруизм к человеку, по меткому замечанию Ю. Борева, были «установкой социалистического реализма» [Борев, 2008, с. 175], а потому ошибка Веры Павловны заключалась в неправильной расстановке приоритетов, что могло бы обречь на погибель государство-коммуна. Личное не может довлеть над общественным — этот урок, преподанный Рахметовым Вере Павловне, позднее станет одним из кредо соцреалистической идеологии. И Вера Павловна исправляет эту ошибку, растворяясь в собственной идее на последних страницах романа.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что влияние романа Н. Г. Чернышевского на соцреалистический дискурс несомненно. Прежде всего принципиально, что в контексте той части соцреалистической словесности, которая продолжала традицию романа воспитания, именно «Что делать?» предвосхитил разновидность последнего — роман «фигуры», в котором при наличии константного героя на первый план выходит формирование идеи.

Перспективой дальнейшего исследования может стать осмысление отечественной традиции Bildungsroman, изучении специфики её преломления в прозе XX столетия на разных этапах её развития. Наконец, одной из перспектив может стать сравнительно-сопоставительный анализ особенностей «романа фигуры» как субжанра воспитания в литературе советского периода.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Чернышевский Н. Г.* Что делать? / Н. Г. Чернышевский. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 573 с. — ISBN 978-5-17-105407-6.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Теория романа (1930—1961 гг.) / М. М. Бахтин. — Москва : Языки славянской культуры, 2012. — Т. 3. — 880 с. — ISBN 978-5-9551-0500-0.

2. *Беглов С. И.* Внешнеполитическая пропаганда. Очерк теории и практики / С. И. Беглов. — Москва : Высшая школа, 1984. — 366 с.

3. *Берг М. А.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе / М. А. Берг. — Москва : Новое литературное обозрение, 2000. — 352 с. — ISBN 5-86793-101-3.

4. *Борев Ю.* Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд / Ю. Борев. — Москва : АСТ, Олимп, 2008. — 478 с. — ISBN 978-5-17-052357-3.

5. *Володина Е. Н.* Романы В. Дудинцева : Типология и эволюция жанра : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Н. Володина. — Екатеринбург, 1998. — 285 с.

6. *Дialeктова А. В.* Воспитательный роман в немецкой литературе эпохи Просвещения / А. В. Дialeктова. — Саранск : [б. и.], 1972. — 38 с.

7. *Добренко Е. А.* Политэкономика соцреализма / Е. А. Добренко. — Москва : Новое лит. обозрение, 2007. — 592 с. — ISBN 5-86793-482-9.

8. *Елифорова М. В.* Что делать с Чернышевским? Заметки читателя / М. В. Елифорова // Вопросы литературы. — 2007. — № 5. — С. 232—251.

9. *Кларк К.* Советский роман : история как ритуал / К. Кларк ; пер. с англ. ; под ред. М. А. Литовской. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 260 с. — ISBN 978-5-7525-1027-4.

10. *Краснощекова Е. А.* Роман воспитания. Bildungsroman на русской почве : Карамзин, Пушкин, Гончаров, Толстой, Достоевский / Е. А. Краснощекова. — Санкт-Петербург : Изд-во Пушкинского фонда, 2008. — 478 с. — ISBN 978-5-89803-169-5.

11. *Крупская Н. К.* Что нравилось Ильичу из художественной литературы / Н. К. Крупская // Удар. — 1927. — № 1. — С. 124—128.

12. *Лейдерман Н. Л.* Современная русская литература : 1950 — 1990-е гг. : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — Москва : Издательский центр «Академия», 2003. — Т. 1. — 412 с. — ISBN 978-5-7695-4638-9.

13. *Луначарский А. В.* Чернышевский как писатель / А. В. Луначарский // Статьи о Чернышевском. — Москва : Гослитиздат, 1958. — С. 54—86.

14. *Медушевский А. Н.* Государство-Коммуна : Эксперимент рабочей демократии в России 1918 г. и причины его крушения / А. Н. Медушевский // Мир России. — 2019. — № 2. — С. 63—83.

15. *Наумова Н.* Роман Чернышевского «Что делать?» / Н. Наумова. — Ленинград : Художественная литература, 1978. — 135 с.

16. *Осьмухина О. Ю.* Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов / О. Ю. Осьмухина, Е. П. Овсянникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. — 2024. — Т. 17. — Выпуск 6. — С. 2079—2085.

17. Осьмухина О. Ю. Черты фигурализма в поэтике романа В. Каверина «Два капитана» / О. Ю. Осьмухина, Е. П. Овсянникова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2023. — Т. 24. — № 3 (2). — С. 359—369.

18. Паперно И. Семиотика поведения : Николай Чернышевский — человек эпохи реализма / И. Паперно. — Москва : Новое литературное обозрение, 1996. — 207 с. — ISBN 5867930157.

19. Пашигорев В. Н. Роман воспитания в немецкой литературе XVIII—XX веков. Генезис и эволюция : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.03 / В. Н. Пашигорев. — Ростов-на-Дону, 2005. — 333 с.

20. Синявский А. Что такое социалистический реализм / А. Синявский. — Париж, 1988. — 64 с.

21. Хоффманн Д. Л. Вращивание масс. Модерное государство и советский социализм. 1914—1939 / Д. Л. Хоффман. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 422 с. — ISBN 978-5-4448-0730-9.

22. Gunther H. Education and Conversion : The Road to the New Man in the Totalitarian Bildungsroman / H. Gunther // The Culture of the Stalin Period. Günther H (Ed) ; Studies in Russia and East Europe. — Basingstoke : Macmillan, 1990. — Pp. 193—209.

23. Meixner H. Romantischer Figuralismus : kritische Studien zu Romanen von Arnim, und Hoffmann / H. Meixner. — Frankfurt am Main : Athenäum Verl, 1971. — 266 s.

Статья поступила в редакцию 17.11.2024,
одобрена после рецензирования 27.12.2024,
подготовлена к публикации 29.01.2025.

Material resources

Chernyshevsky, N. G. (2017). *What is to be done?* Moscow: AST Publishing House. 573 p. ISBN 978-5-17-105407-6. (In Russ.).

References

Bakhtin, M. M. (2012). Theory of the novel (1930—1961). In: *Collected works: in 6 volumes*, 3. Moscow: Languages of Slavic cultures. 880 p. ISBN 978-5-9551-0500-0. (In Russ.).

Beglov, S. I. (1984). *Foreign policy propaganda. Sketch of theory and practice*. Moscow: Higher School. 366 p. (In Russ.).

Berg, M. A. (2000). *Literaturocracy. The problem of appropriation and redistribution of power in literature*. Moscow: New Literary Review. 352 p. ISBN 5-86793-101-3. (In Russ.).

Borev, Yu. (2008). *Socialist realism: a look at the contemporary and the Modern view*. Moscow: AST, Olympus. 478 p. ISBN 978-5-17-052357-3. (In Russ.).

Clark, K. (2002). *The Soviet Novel: History as Ritual*. Ekaterinburg: Izd-v. Ural. un-ta. 260 p. ISBN 978-5-7525-1027-4. (In Russ.).

Dialectova, A. V. (1972). *The educational novel in the German literature of the Enlightenment*. Saransk: Publishing House of the SSPI. 38 p. (In Russ.).

Dobrenko, E. A. (2007). *Political Economy of socialist realism*. Moscow: New Literary Review. 592 p. ISBN 5-86793-482-9. (In Russ.).

Eliferova, M. V. (2007). What to do with Chernyshevsky? Notes of a reader. *Voprosy Literatury*, 5: 232—251. (In Russ.).

- Gunther, H. (1990). Education and Conversion: The Road to the New Man in the Totalitarian Bildungsroman. In: *The Culture of the Stalin Period*. Basingstoke: Macmillan. 193—209.
- Hoffmann, D. L. (2018). *Educating the masses. The Modern State and Soviet Socialism. 1914—1939*. Moscow: New Literary Review. 422 p. ISBN 978-5-4448-0730-9. (In Russ.).
- Krasnoshchekova, E. A. (2008). *The novel of education. Bildungsroman on Russian soil: Karamzin, Pushkin, Goncharov, Tolstoy, Dostoevsky*. St. Petersburg: Pushkin Foundation Publishing House. 478 p. ISBN 978-5-89803-169-5. (In Russ.).
- Krupskaya, N. K. (1927). K. What Ilyich liked from fiction. *Udar, 1*: 124—128. (In Russ.).
- Leiderman, N. L., Lipovetsky, M. N. (2003) *Modern Russian Literature: 1950—1990s: in 2 vol., 1*. Moscow: Academia Publishing Center. 412 p. ISBN 978-5-7695-4638-9. (In Russ.).
- Lunacharsky, A. V. (1958). Chernyshevsky as a writer. In: *Lunacharsky, A. V. Articles about Chernyshevsky*. Moscow: Goslitizdat. 54—86. (In Russ.).
- Medushevsky, A. N. (2019). State-Commune: The experiment of labor democracy in Russia in 1918 and the reasons for its collapse. *The World of Russia, 2*: 63—83. (In Russ.).
- Meixner, H. (1971). *Romantischer Figuralismus: kritische Studien zu Romanen von Arnim, und Hoffman*. Frankfurt am Main: Athenäum Verl. 266 p.
- Naumova, N. (1978). *Chernyshevsky's novel "What is to be done?"*. Leningrad: Khudozhestvenna literature. 135 p. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Ovsiyannikova, E. P. (2023). Features of figuralism in the poetics of the Kaverin's novel "Two Captains". *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, 24, 3 (2)*: 359—369. (In Russ.).
- Osmukhina, O. Y., Ovsiyannikova, E. P. (2024). Features of the representation of the genre tradition of the Bildungsroman in Russian prose of the late 1920s. *Philology. Theory & Practice, 17 (6)*: 2079—2085. (In Russ.).
- Paperno, I. (1996). *Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky — a man of the epoch of realism*. Moscow: New Literary Review. 207 p. ISBN 5867930157. (In Russ.).
- Pashigorev, V. N. (2005). *The Bildungsroman in German literature of the XVIII—XX centuries. Genesis and evolution*: Doct. Diss. Rostov-on-Don. 333 p. (In Russ.).
- Sinyavsky, A. (1988). *What is socialist realism*. Paris: [b. i.]. 64 p. (In Russ.).
- Volodina, E. N. (1998). *The novels of V. Dudintsev: Typology and evolution of the genre*: PhD Diss. Ekaterinburg. 285 p. (In Russ.).

*The article was submitted 17.11.2024;
approved after reviewing 27.12.2024;
accepted for publication 29.01.2025.*